

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-2-332-342

EDN: QDJHNT

Научная статья / Research article

Образ художника в повести «Напоминание» Энны Аленник

В.С. Косенко^{ID}

Российский институт театрального искусства ГИТИС, Москва, Российская Федерация

✉ visha-k@mail.ru

Аннотация. Проведен анализ повести ленинградской писательницы Энны Аленник «Напоминание» (1979), не входившей прежде в литературоведческий дискурс, в частности образ второстепенного персонажа — художника Усто Модана. Актуальность представленного материала связана с вниманием в современной культуре к прототипу этого образа — реальному художнику XX в. Усто Мумину (1897–1957): в XXI в. о нем снимаются документальные фильмы, ставятся спектакли, проводятся исследования и пишутся книги. Цель исследования — на основе биографического метода и рецептивной эстетики показать, как выстроен образ художника в повести Энны Аленник. Вычленены детали и контекст образа, психологические и этические черты портрета художника. Неординарность предложенного материала состоит в том, что проанализированный контекст повести «Напоминание» не содержит апологетический дискурс о художнике, скорее, наоборот. Такой непривычный для этоса взгляд на художника, картины которого экспонируются в крупнейших музейных коллекциях, расширяет представление не только о творческой личности, изображенной в литературном тексте, но и о реальном художнике, расшатывая здание мифологичности и делая образ художника «из плоти и крови».

Ключевые слова: образ художника, экфрасис, Усто Мумин, Энна Аленник

История статьи: поступила в редакцию 23.01.2025; принята к печати 09.04.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Косенко В.С. Образ художника в повести «Напоминание» Энны Аленник // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 2. С. 332–342. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-332-342>

The Poetics of the Artist's Image in the Novel “Reminder” by Enna Alennik

Viktoriya S. Kosenko^{ID}

Russian Institute of Theatre Arts (GITIS), Moscow, Russian Federation,

✉ visha-k@mail.ru

Abstract. The study analyzes the story “Reminder” (1979) by the Leningrad writer Enna Alennik, which had not previously been included in literary discourse. In particular, the paper examines the image of a minor character, the artist Usto Modan. The relevance of the presented material is related

© Косенко В.С., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

to the attention in modern culture to the prototype of this image, the real artist of the 20th century Usto Mumin (1897–1957). In the 21st century documentaries are being made, plays are being staged, studies and books are being written about him. The purpose of the article is to show, on the basis of the biographical method and receptive aesthetics, how the image of the artist is constructed in the story by Enna Alennik. The details and context of the image, psychological and ethical features of the portrait of the artist are highlighted. The uniqueness of the proposed material lies in the fact that the analyzed context of the story “Reminder” does not contain an apologetic discourse about the artist, rather, the opposite. Such an unusual view of the artist, whose paintings are exhibited in the largest museum collections, expands the idea not only of the creative personality depicted in the literary text, but also of the real artist, thereby loosening the mythological buildings and making the artist “out of flesh and blood”.

Key words: the image of the artist, ecphrasis, Usto Mumin, Enna Alennik

Article history: received 23.01.2025; accepted 09.04.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kosenko, V.S. 2025. “The Poetics of the Artist’s Image in the Novel “Reminder” by Enna Alennik.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (2), 332–342. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-2-332-342>

Введение

Творческая личность, изображенная средствами литературы и других видов искусства как воплощение и отражение реально существовавших людей, всегда интересует специалистов гуманитарного спектра: психологов, психоаналитиков, искусствоведов, филологов, историков, режиссеров театра и кино. Все они пытаются найти то сокровенное в творческой личности, которое отличает ее от «нормальных» людей, выстроить некую «формулу таланта».

Автобиографическая повесть ленинградской писательницы Энны Аленник никогда не попадала в оптику литературоведческого исследования. Для нас она представляет интерес в связи с тем, что среди множества персонажей повести присутствует художник по имени Усто Модан. Он пополняет ряд образов художников в русской литературе и способствует, сначала на эмпирическом уровне, а затем и на уровне обобщения, формированию некоего алгоритма в изображении творческой натуры вербальными средствами, во всяком случае, задает поиск такого алгоритма.

Цель исследования — изучение поэтики образа художника в повести «Напоминание» Энны Аленник¹. Поставленной цели подчинены следующие задачи исследования: определить место художника в системе персонажей повести «Напоминание»; вычленив детали, из которых складывается портрет художника: психологический, этический, социально-бытовой; раскрыть семантику исторического контекста повести, в частности сообщить о прототипе художника — реально существовавшей личности; сделать акцент на субъек-

¹ Аленник Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. 528 с.

тной организации повести; прокомментировать заглавие повести «Напоминание» в связи с объектом нашего исследования.

В основе анализа статьи лежит методология, базирующаяся на работах по поэтике И.Р. Гальперина, С.Н. Зенкина, Ю.Б. Орлицкого, В.Е. Хализева.

Результаты и обсуждение

Энна Аленник

Эсфирь Моисеевна Цинман (1909–1988) — ленинградская писательница-прозаик, вошла в историю литературы под псевдонимом *Энна Михайловна Аленник*; автор произведений для детей, написанных в 1950–1960-е гг. (в Интернете выложено немало ее детских книжек, содержащих благостные истории, которые строятся вокруг нравственно-этических проблем, возникающих в кругу детей: «Мы жили по соседству», «Далекое путешествие», «Однажды перед каникулами» и др.). В фокусе нашего внимания будет ее «взрослая» повесть «Напоминание». Сведения о жизни Энны Аленник скудны: в справочнике «Писатели Ленинграда» [1] содержится несколько биографических фактов. Окончила Высшие государственные курсы искусствоведения при Государственном институте истории искусств. Период существования института в Петербурге, Петрограде и Ленинграде уместается в диапазон между 1912–1931 гг. 1930-й — год окончания Эсфирью Цинман этого заведения, где она прослушала, среди прочих, курсы по истории русской литературы, поэтике, теории искусства (читали лекторы — цвет отечественной гуманитаристики: Г.А. Гуковский, В.М. Жирмунский, Б.В. Томашевский, В.П. Адрианова-Перетц, Б.М. Эйхенбаум и др.) — таким образом, при создании портрета художника в повести «Напоминание» писательница пользуется профессиональными знаниями.

Повесть «Напоминание» содержит намного больше информации о частной жизни Энны Аленник, чем словарная статья. С одной стороны, повесть автобиографическая и документальная: все события (с 1906 по 1950 г.) датированы, указаны места действия (Тифлис, Алма-Ата, Минск, Фергана, Ленинград, Самарканд, Ташкент), эти события соответствуют реальным историческим фактам как в судьбе страны, так и в частных судьбах персонажных прототипов, с другой стороны, все реальные имена заменены на вымышленные, однако не радикально, а с подсказкой (реальный врач Корчиц — в повести Коржин, реальный художник Усто Мумин — в повести Усто Модан, его жена Ада — в повести Аня и проч.).

Писательница предпосылает повести слова: «Ее нельзя назвать документальной. Вероятно, герой в ней оживет и таким и не совсем таким, как был, потому что будет оттенен разной памятью разных людей»². Так случается не

² *Аленник Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 4.*

только в литературе, но и в жизни. У каждого смотрящего или осмысляющего — свое видение человека или события.

Главный герой повести — сначала студент медицинского вуза, потом он же хирург — Алексей Петрович Коржин, академик. У повести есть посвящение: «Памяти Евгения Витольдовича Корчица». Справочная информация о В.Е. Корчице проливает свет на главного героя: он прототип Коржина.

Однажды рассказчица повести, ленинградка, студентка первого курса, отправилась в путешествие. Поезд, в котором она возвращалась домой, потерпел крушение под Минском. Рассказчицу «с того света пришлось вернуть на этот»³. Имени своего она не приводит, называя себя по ходу повествования то «человеком пишущим», то «обломком крушения». Спасает ее минский хирург Коржин. У рассказчицы не было никого из близких или дальних в Минске, надо было освобождать больничное место, и душевный Коржин приводит девушку к себе домой, поручая уход за ней своей жене. Так завязывается дружба между рассказчицей и семьей Коржина на всю жизнь. Эта повесть — посмертный поклон рассказчицы своему спасителю и кумиру, великому врачу, хоронить которого вышло пол-Минска. Она опрашивает спасенных им, коллег, близких и дальних знакомых, разъезжая по городам и весям Беларуси и Узбекистана, где работал Коржин. Поэтому мы слышим разные голоса, разные впечатления, разные характеристики доктора, не всегда лестные. Из этих воспоминаний, эпизод за эпизодом, выстраивается канва семейной жизни доктора, в круг которой входил художник Усто Модан.

Художник

Из двоих детей Коржина старшей была дочь Аня. (Вторым был сын Саня, один из действующих персонажей повести.) Ане отведено в сюжете незавидное присутствие — рассказчице эта молодая женщина не была симпатична. Ее мужем стал русский художник. Вот как описано знакомство художника с семьей Коржина — приемом «рассказ в рассказе», голосом информанта:

«Году, кажись, в двадцать третьем, в одной из своих поездок познакомился он с художником молодым. Прибыл тот из Академии художеств в Самарканд на практику, побродил, покочевал вокруг, и в такое восхищение пришел от этого края, от лиц, от одежды, от уклада восточной жизни, что повязал этот художник на свою белобрысую голову чалму, надел узбекский халат, взял псевдоним Модан, да и остался тут насовсем. Узбекам тоже он понравился — и тем, что свою западную одежду на ихнюю сменял, и тем, что здорово их на портретах изображал. „Понимает правильно“, — говорили узбеки и очень скоро стали звать его Усто Модан, что означает „мастер Модан“. С Коржиным этот художник встретился, когда его уже так величали. Видел я эту фигуру в

³ Аленник Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 122.

чалме и халате, с облупленным от солнца курносый лицом, с выпученными от интереса к жизни бело-голубыми глазами. Видел, как входит и направляется к двери Коржиных. Зачастил он к ним, картины свои носил показывать и дарить. Кончилось дело тем, что женился он на их дочке Ане. Хотя считалась она рубенсовской красавицей, особой приятности в ней не было, один сонный каприз. Впрочем, кто этого художника разберет, может, при его нервах встрепанных как раз такая пышнотелость сонная и была ему нужна. Свадьбы и всякие такие ритуальные сборища Варвара Васильевна и Алексей Платонович ни во что не ставили, считали напрасной тратой времени и сил. Но к тому времени, то есть к осени двадцать пятого, получил уже Алексей Платонович приглашение в Минск лекции читать и стать во главе хирургической клиники, уезжал он туда с Варварой Васильевной и Саней на постоянное жительство, — вот почему была тут и свадьба дочери, и расставание с нею, с друзьями, Самаркандом. Вот почему собрался у Коржиных весь больничный штат...»⁴.

Если сопоставить приведенный фрагмент с реальным прототипом — художником Александром Васильевичем Николаевым, Усто Мумином, то с реальной биографической точки зрения все перемещения и внешние метаморфозы, случившиеся с художником Моданом, указаны верно — но верно, скорее, мифологически. Именно мифологией обросла биография реального художника (о причинах релокации Усто Мумина и его перевоплощении см. в книге Э.Ф. Шафранской [2]).

Далее в многочисленных упоминаниях о неспособной к эмпатии дочери Коржина всегда рядом упоминается ее муж, Усто. На него падает ответ бездушной Ани: «...приезжала на отдых дочь — сперва с одним сыночком и мужем, потом с двумя сыночками и мужем. Варвара Васильевна лелеяла, обслуживала и, конечно же, усердно кормила свою пышно тяжелеющую дочь и ее семью»⁵.

Экфрасис и его контекст

Глазами и памятью одной из героинь повести (информантки-рассказчицы) — Нины, невестки Коржина, представлена работа художника Усто Модана: «...Мы пили чай на террасе, и пришел Усто. Он осторожно держал за край подрамника свою свежую работу и повернул ее в нашу сторону. Когда ему нравилось то, что он сделал, он показывал. На этот раз был не этюд, была законченная картина: на песчаном холме стоял на редкость нежный, стройный — не мальчик, но и не взрослый узбек, в халате с лиловыми и голубыми полосами, и так красиво смуглой рукой протягивал нам розу. Ну полное впечатление, что нам. Он был босой. Ноги — тоже нежные, как у мадонны.

⁴ Аленик Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 72–73.

⁵ Там же. С. 125.

Алексей Платонович посмотрел и сказал: „Неотразимой красоты юноша. Но... бездельник. Он будет на иждивении обожающих его“.

Усто не обиделся, сказал, что это его не интересовало. Его интересовала только гармония облика.

„А как вам?“ — спросил он у Варвары Васильевны.

Она нехотя ответила: „На мой вкус, он слишком томный... не мужественный“.

Я вглядывалась в эту фигуру. Правда, все в ней струилось, в каждой линии была гармония. Но что-то было в ней мне неприятно. Даже неловко было, сама не знаю отчего.

„Нина мне что-нибудь скажет?“ — спросил Усто.

Я очень глупо выпалила: „Не понимаю я его!..“

А Саня сказал: „Поздравляю, Усто. Из всего, что у вас видел, это самая тонкая живопись. Как вы назовете?“

„Я уже назвал: „Венец творения“. Подразумевается, что гармоничный человек — венец творения“.

„Не чересчур пышно?“ — спросил Саня. — И, по-моему, не совсем верно. А почему не цветок, не олень, не бабочка? Что, в них меньше гармонии?“

Теперь Усто обиделся: „Ну, знаете! Не случайно бог создал по своему образу и подобию не бабочку, не оленя, а человека“»⁶.

Экфрастическое представление картины художника и ее рецепция окружающими в повести отражает почти весь спектр отношений к реальному художнику Усто Мумину — от удивления, восхищения до непонимания и неких фигур умолчания, чего-то «неприличного», что вменялось в вину художнику и идет за ним мифологическим шлейфом. (Анализу этой фигуры умолчания посвящено исследование Бориса Чуховича [3].) Советские юноши должны были быть широкоплечими и мужественными, плавить сталь и водить трактора, а не нежно подносить цветок. Скорее всего, экфрасис Энны Аленник имеет вымышленный характер, являет обобщенный образ большинства работ Усто Мумина, на которых изображены юноши. У многих художников, оказавшихся в Средней Азии в 1920–1930 гг., объектом изображения были юноши: у Кузьмы Петрова-Водкина, Алексея Исупова, Даниила Степанова. Экфрасис Энны Аленник ассоциативно связывается с картиной Алексея Подковырова «Голубой вечер в горах», на которой изображен юноша с цветком.

Портрет художника

Кроме эпизода, где Усто Модан представляет свою картину, в повести больше нет фрагментов, где он изображен как отдельная личность — только во взаимосвязи со своей женой, дочерью Коржина Аней, неблагоприятная тень

⁶ Аленник Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 133–134.

которой формирует у читателя портрет художника. Усто Модан — неважный семьянин, не приспособленный в быту. При отъезде от родителей «упаковщиком всех тюков и корзин был не Усто (у него почему-то ремни и веревки сползали). Увязывал все Алексей Платонович, а всего было столько, что под конец он устал»⁷. Усто Модан со своей семьей живет в доме, построенном на деньги тестя, Коржина: «На его постройку, достройку и пристройки годами уходила львиная доля немалых окладов Коржина — профессорского, директорского и за консультацию в железнодорожной больнице»⁸. В голодную военную годину, когда все прочие персонажи повести, и Коржин вместе с ними, собирали с грядок помидоры и поштучно делили их между собой, Коржин сказал: «У моей дочери прекрасный сад. Она могла бы догадаться поделиться с нами, но не догадывается, бедняжка».

Когда, уже после смерти сына Сани и мужа, Алексея Платоновича Коржина, Варвара Васильевна, мать Ани, доживала свою жизнь у дочери, обув у нее, бывшей бестужевки, талантливой красавицы Вареньки Уваровой, отняли, «чтобы не выползала за калитку»⁹, — такова была дочерняя благодарность.

Из двух своих детей Варвара Васильевна выделяла Аню, считая себя виноватой, что *такой* родила ее — «неумной»¹⁰, и потому холила и пестовала дочь, посылая ей и ее семье еженедельно посылки с продуктами из Минска в Ташкент. В это время Аня пишет брату Сане письмо:

«Муж недавно вернулся из Москвы. Он возил туда свою картину для украшения выставки хозяйства в Узбекский павильон. Выставка будет очень шикарная. Картину там приняли на ура! Поэтому денег заплатили столько, что Усто привез мне целый чемодан изумительных шоколадных конфет. Ты знаешь, Санечка, что я никогда досыта конфетами не наедалась. Я сразу столько съела, что немножко заболела. А какой громадный, роскошный бухарский ковер мы на эти деньги купили! Вообще, что хотели — покупали, кутили вовсю. И почему-то вдруг получилось так, что деньги истратились все, до копейки. Нам нечем жить. Себе лепешку и молока детям купить не на что. Вот какой был ужас! Но ничего, дорогая мамочка быстро прислала телеграфом. Я ее обожаю! Я бы хотела никогда с ней не расставаться и всегда ее беречь»¹¹.

Последние годы в ташкентской эвакуации, представленные в повести, чета Коржиных окружена друзьями, невесткой и ее родителями, но среди них нет ни Ани, ни Усто Модана. «Отсутствие совести — вот неизлечимая болезнь»¹², сгоряча произносит знающий толк в болезнях профессор Коржин

⁷ Аленик Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 156.

⁸ Там же. С. 156.

⁹ Там же. С. 94.

¹⁰ Там же. С. 93.

¹¹ Там же. С. 131.

¹² Там же. С. 171.

в адрес своей дочери. Этот приговор тенью ложится и на ее мужа, художника Усто Модана.

В повести все судят Аню: отец, брат Саня, невестка Нина, рассказчица. Только мать, Варвара Васильевна, пытается загладить свою вину, понимая, что у нее родилась «неудачная дочь»¹³, но дочь в этом не виновата.

Тем не менее рассказчица иногда замечает проблески гуманизма в Усто: «Ну почему, откуда у таких родителей — такая дочь? Ее муж Усто куда человечнее. Увидит, какие битком набитые сумки тащит Варвара Васильевна, подбежит и выхватит. Но это бывает редко, он с утра уходит на этюды за город. Пока мы там жили — она тяжестей не носила, а теперь, конечно, опять носит»¹⁴.

В целом же бесчувственность и нечуткость дочери Коржина, в глазах рассказчицы, создают цельный семейный портрет, окрашивая и ее мужа, Усто Модана, этими красками. Во всяком случае, в повествовании совсем отсутствуют ноты восхищения, преклонения перед талантом художника, а ведь текст повести написан уже в конце 1970-х гг., когда у его прототипа, Усто Мумина, появилась посмертная *тихая* слава, и на глазах она мифологизировалась. Правда, один раз в тексте промелькнула фраза, отданная рассказчицей Сане, брату Ани, когда он в пылу и обиде высказывает матери, что та всю жизнь опекала сестру, а потом и ее «знаменитого супруга»¹⁵.

Рассказчица, говоря о 1930-х гг., о «великих стройках», не обошла и Усто Модана, сообщив, что «Усто без передышки ездил по Средней Азии, в набросках увозил зеленые побеги на пустынной земле, куда протягивались первая нить ошеломленной воды и тех, кто эту нить протягивал под немилосердным солнцем. Он ездил на сборы урожая и создавал картины пленительного плодородия садов с протянутыми к плодам руками сборщиков. Протянутыми в истоме — как к своему счастью. Его картины выставлялись в Ташкенте, посылались в Москву на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку»¹⁶.

В 1941 г. бегут из-под бомб, что обрушились на Беларусь, из Минска Коржин и Варвара Васильевна, каждый сам по себе, застигнутые врасплох. Оба оказываются в Ташкенте, у дочери. Сначала Алексей Платонович, первым делом принявшийся спасать виноградные лозы в саду у дочери, до которых никому не было дела, потом, измученная, исхудавшая, через Сибирь добирается до Ташкента и Варвара Васильевна, ставшая похожей на дервиша, аскетичного странника. Усто как будто впервые увидел Варвару Васильевну. «Он писал ее портрет вопреки ее желанию, делая наброски украдкой, из окна мастерской, глядя на нее — то лежащую, то сидящую в саду. <...> После „такого лица“, тонко и сильно проявленного темперой на небольшом холсте,

¹³ Аленник Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 215.

¹⁴ Там же. С. 132.

¹⁵ Там же. С. 93.

¹⁶ Там же. С. 158–159.

Усто знал, что ему делать. Он встречал поезда, смотрел, как выгружаются люди, как выносят раненых, и постигал, что вбирает в себя слово „эвакуированные“. Они рассказывали о своем адском пути с жадностью, почти такой же, как ели хлеб, как ловили первую струйку воды из питьевого фонтанчика. В результате появилась целая серия работ „Человек и война“»¹⁷.

Если поначалу образ Усто Модана выглядит бесхребетным, странным, по мнению «пишущего человека», никак не вписывающимся в орбиту ее (рассказчицы) кумира, профессора Коржина, и ее самой, то ближе к концу повести он становится *дейтельным*, не без очень скрытой иронии сообщает рассказчица, потому что параллельно ему изображены эпизоды другой *деятельности* — за операционным столом профессора Коржина и на фронте — Сани, его сына.

Субъект повествования

Говоря об отличии фабулы и сюжета, «Томашевский разграничивал два понятия так: фабула — это то, что было в действительности, а сюжет — то, как узнал об этом читатель, фабула и сюжет соотносятся как материал и прием, как анонимная, в принципе переходящая из текста в текст история и индивидуальная работа по ее рассказыванию. Сюжет деформирует фабулу, делает ее ощутимой» [4. С. 49], — пишет теоретик литературы С.Н. Зенкин. В качестве примера он приводит евангелия «как разные интерпретации одной и той же истории. В них... одни события опускаются, другие добавляются... с разными деталями и смысловыми нюансами» [4. С. 49–50].

Энна Аленник в своей повести отразила реальные исторические события, современниками которых выступают ее персонажи, но преподнесла их участие в них (в частности Усто Модана, а главное — его прототипа — Усто Мумина) в собственной рецепции и интерпретации. Сознательно или бессознательно характеризуя «какое-то явление, событие, личность героя», автор «опосредованно раскрывает этим свое личное к ним отношение» [5. С. 116], — считает филолог И.Р. Гальперин.

Несмотря на то что рассказчица строит свой текст из суждений ее «информантов», тем не менее подбор этих суждений и их оценочный вектор подчиняются воле рассказчицы, ибо «модальность художественного текста пронизывает все его части», коэффициент модальности зависит от «объекта описания, прагматической установки, соотношения содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации. Этот коэффициент тем выше, чем отчетливее проявляется личность автора в его произведениях» [5. С. 118].

Подобная модальность способствует рождению образа художника, который строится не просто из единичных фактов, а из концентрации «существенных для автора сторон жизни во имя ее оценивающего осмысления» [6. С. 113].

¹⁷ Аленник Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 188.

Приведем элементы заголовочно-финального комплекса из повести Энны Аленник, который состоит из заглавия и последней фразы текста [7. С. 73–74]: заглавие — *Напоминание*; финальные слова повести:

«Трудно кончать эту книгу и второй раз прощаться с Алексеем Платоновичем Коржиным. На ее страницах хотелось донести до вас хотя бы частицу его жизни, его мира, его емких минут.

Если вы их ощутили, если слышали его, если немного побыли с ним живым и теми, кого он любил, спасибо вам»¹⁸.

Таким образом, по воле автора заголовочно-финальный комплекс функционирует в повести как рама: заглавием автор заявил о своем намерении, последней фразой подвел черту под сделанным.

Судя по сюжету повести, художник Усто Модан не входит в круг тех, кого любил Коржин, — автору удалось воплотить в образ Усто это античувство. Однако если подняться до семантики контекста, до прототипа — реального художника А.В. Николаева, Усто Мумина, то те, к кому обращается автор «Напоминания», должны быть признательны писательнице: она, «напомнив», оставила в исторической памяти бесценные фрагменты из жизни художника, пусть далеко не комплиментарные и во многом субъективные. Зато они в большей или меньшей степени коррелируют с биографией художника, составленной на основе фактов, подкрепленных документами, дневниковыми записями, прочими эго-документами, мемуарами, — в двух книгах: «Усто Мумин: превращения» [2] и «„Любовь, дружба, вечность“ Усто Мумина» [3], вышедших в один год и свидетельствующих о непреходящем интересе к этому художнику.

В итоге образ художника Усто Мумина существует в многогранном осмыслении: литературно-художественном, научно-биографическом, интерпретаторски-биографическом и театральном. Последнее — в спектакле «Радение с гранатом» Марка Вайля (о чем пойдет речь в следующей статье).

Заключение

Итак, цель нашего исследования — рассмотреть, как выстраивается образ художника в повести «Напоминание» Энны Аленник, — достигнута. В ходе анализа мы определили место художника в системе персонажей повести. Выделили детали, из которых складывается психологический, этический, бытовой портрет художника Усто Модана. Раскрыли семантику образа, отсылающего к реальному прототипу — Александру Васильевичу Николаеву, Усто Мумину. Внесли необходимое примечание, связанное с субъектной организацией повести, сделав акцент на авторских воле и предпочтениях, не обязательно совпадающих с объективными характеристиками исторической лич-

¹⁸ Аленник Э. Напоминание : повести. Ленинград : Сов. писатель, 1985. С. 258.

ности. Прокомментировали заглавие повести, вышедшее из пространства авторского текста в метатекст культуры, потому и зовущее к очевидным или вольным интерпретациям.

Список литературы

1. Писатели Ленинграда : биобиблиографический справочник. 1934–1981 / авт.-сост. В. Бахтин и А. Лурье. Ленинград : Лениздат, 1982. 376 с.
2. *Шафранская Э.Ф.* Усто Мумин : превращения. Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2023.
3. *Чухович Б.* «Любовь, дружба, вечность» Усто Мумина. Прага : Artguide s.r.o, 2023.
4. *Зенкин С.Н.* Введение в литературоведение. Теория литературы. Москва : РГГУ, 2000.
5. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. Москва : Наука, 1981.
6. *Хализев В.Е.* Теория литературы : учебник. Москва : Высшая школа, 2002.
7. *Орлицкий Ю.Б.* Заглавие // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. Москва : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 73–74.

References

1. Writers of Leningrad. 1982. A bio-bibliographic reference book, 1934–1981, compiled by V. Bakhtin and A. Lurie. 1934–1981. Leningrad: Lenizdat. Print. (In Russ.)
2. Shafranskaya, E.F. 2023. Usto Mumin: transformations. Moscow: Garage Museum of Modern Art. Print. (In Russ.)
3. Chukhovich, B. 2023. “Love, friendship, eternity” by Ust Mumin. Prague: Artguide s.r.o. Print. (In Russ.)
4. Zenkin, S.N. 2000. “An introduction to literary criticism.” In Theory of literature: A textbook. Moscow: RGGU publ. Print. (In Russ.)
5. Galperin, I.R. 1981. Text as an object of linguistic research. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
6. Khalizev, V.E. 2002. Theory of literature: Textbook. Moscow: Higher School publ. Print. (In Russ.)
7. Orlitsky, Yu.B. 2008. “Title.” In Poetics: dictionary of current terms and concepts. Moscow: Kulagina Publishing House; Intrada, pp. 73–74. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Косенко Виктория Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры сценической речи, Российский институт театрального искусства — ГИТИС, Российская Федерация, 125009, г. Москва, Малый Кисловский пер., д. 6. ORCID: 0009-0006-5533-8748. E-mail: visha-k@mail.ru

Bio note:

Victoriya S. Kosenko is a PhD in Philology, Assistant Professor of the Department of Stage Speech of Russian Institute of Theater Arts (GITIS), 6 Malyi Kislovsky per., Moscow, 125009, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-5533-8748. E-mail: visha-k@mail.ru